

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 101**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 101 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 258 с.

ISBN 978-5-458-04749-4

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04749-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Философія історіи Гегеля ¹⁾.

Предлагаемые вамъ здѣсь публичные курсы находятся, несмотря на все разнообразіе своего содержанія, въ тѣсной связи между собой. Всѣ они, касаясь ли отдѣльной исторической эпохи, или отдѣльной области человѣческаго творчества и мысли, имѣють цѣлю выяснить извѣстную сторону или моментъ того необъятнаго міроваго явленія, которое мы называемъ исторіей человѣчества.

Но существуетъ ли исторія человѣчества, какъ единый цѣльный процессъ? Какая конечная цѣль этого жизненнаго процесса, совершающагося въ милліонахъ отдѣльныхъ лицъ и безконечномъ рядѣ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній? Совершаются ли событія исторіи въ извѣстномъ порядкѣ, повинуются ли они, подобно явленіямъ природы, извѣстнымъ законамъ и какіе это законы? Въ чемъ заключается творческая причина этого процесса и его движущая сила? Вотъ вопросы, которые не могутъ не возникать при всякомъ внимательномъ изученіи исторіи. Они дѣйствительно давно уже начали возникать въ отдѣльныхъ умахъ и приводили къ различнымъ отвѣтамъ; но ихъ стали ставить систематически не слишкомъ давно,—съ конца прошлаго вѣка; съ этихъ поръ они стали составлять философскій элементъ въ изученіи исторіи и обособились въ отдѣльный предметъ научнаго изученія, за которымъ утвердилось названіе *филосо-*

¹⁾ По лекціямъ публичнаго курса, читаннаго въ 1892 г. въ обществѣ съ другими профессорами, какъ продолженіе прекращенныхъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Москвѣ.

sofii исторіи. Въ настоящее время всякое изученіе исторіи не полно безъ знакомства съ ея философской стороною, и въ виду этого я рѣшилъ въ нынѣшнемъ году одинъ изъ десяти обычныхъ курсовъ посвятить философіи исторіи.

Философія исторіи не представляетъ собою законченной и твердо установившейся дисциплины, поэтому теоретическое изложеніе ея было бы въ настоящемъ случаѣ не целесообразно, оно неизбѣжно страдало бы бездоказательностью и отвлеченностью. За то двойной интересъ представляетъ ея историческое изложеніе.

Она образовалась изъ нѣсколькихъ системъ, изъ которыхъ каждая представляетъ собою оригинальную попытку рѣшить проблему, особый путь проникнуть къ истинѣ. Знакомясь съ отдѣльными системами, мы вмѣстѣ съ тѣмъ освоимся и съ теоретической стороною предмета, съ различными методами, которые возможно примѣнить къ данному предмету. А кромѣ того, каждое изъ этихъ наслоеній въ философіи исторіи отражаетъ на себѣ, подобно геологическимъ періодамъ, угасшую жизнь прошлаго, представляетъ собою осадокъ извѣстнаго міровоззрѣнія, особый моментъ въ культурномъ развитіи европейскаго человѣчества.

Примѣняясь къ рамкамъ, отведеннымъ для публичныхъ курсовъ, я имѣю въ виду изобразить предъ вами три главнѣйшія системы по философіи исторіи, созданныя въ нашемъ вѣкѣ.

Три мыслителя, о воззрѣніяхъ которыхъ будетъ идти рѣчь,—Гегель, Огюсть Контъ и Спенсеръ. Каждая изъ теорій представляетъ собою не только памятникъ личнаго творчества мысли, но и образчикъ, или плодъ извѣстнаго міровоззрѣнія въ примѣненіи къ исторіи. Отличныя между собою по существу эти три системы отличаются и тѣмъ, что творцы ихъ принадлежатъ къ тремъ важнѣйшимъ по своему историческому значенію западно-европейскимъ народамъ и на каждомъ изъ нихъ отразились поэтому и духовныя свойства извѣстной національности. Наконецъ, системы Гегеля, Конта и Спенсера представляютъ собою

три главные метода, проявившіяся въ философіи исторіи,— метафизическій, позитивный и механически-эволюціонный.

Мы начнемъ съ Гегеля, которому принадлежитъ первенство и по времени, и по внутренней логической связи трехъ системъ.

Гегель изложилъ свой взглядъ на философію исторіи въ лекціяхъ, читанныхъ имъ въ 20-хъ годахъ въ берлинскомъ университетѣ и изданныхъ послѣ его смерти его учениками въ 1837 году подъ заглавіемъ: „Чтенія о философіи исторіи“.

Приступая къ философіи исторіи, Гегель требуетъ только одного—признанія, что разумъ управляетъ міромъ и что слѣдовательно ходъ исторіи разуменъ. Это открытіе, какъ онъ замѣчаетъ, было сдѣлано давно, еще греческимъ философомъ Анаксагоромъ, и представляетъ собою такой важный шагъ на пути развитія человѣческаго духа, что, по справедливому отзыву Аристотеля, виновникъ этой мысли являлся среди своихъ современниковъ, какъ трезвый среди опьяненныхъ.

Это простое соображеніе нашего разума, а именно, что разумъ господствуетъ въ мірѣ, по словамъ Гегеля, единственная мысль, которую философія вноситъ въ исторію, какъ предположеніе, для самой философіи вполнѣ удосто- вѣренное.

Но *что* значитъ положеніе, что разумъ господствуетъ въ мірѣ?

Движенія солнечной системы совершаются въ силу непреложныхъ законовъ, познаваемыхъ разумомъ. Можно поэтому сказать, что въ этихъ движеніяхъ заключается разумность, что эти законы солнечной системы, какъ говоритъ Гегель, составляютъ ея разумъ.

Но не въ этомъ пассивномъ или объективномъ смыслѣ понимаетъ Гегель здѣсь разумъ. Господствующій въ мірѣ разумъ для Гегеля не простой фактъ, раскрываемый при изученіи явленій, а творческое начало, *создающее* самыя явленія. Гегелевскій разумъ есть сущность всего, т.-е., какъ онъ выражается, то, черезъ что и въ чемъ всякая дѣйствительность

существуетъ. Гегелевскій разумъ не какая-нибудь идея, существующая гдѣ-то въ головѣ нѣсколькихъ людей, какъ возможность, неспособная осуществиться; этотъ разумъ не такъ беспомощенъ, чтобы оставаться лишь на степени идеала; это безконечная мощь, имѣющая въ *себѣ* свое безконечное содержаніе, въ которомъ проявляется ея дѣятельность и на которое она налагаетъ свою форму; безконечная мощь эта не нуждается, подобно конечнымъ силамъ, во внѣшнемъ матеріалѣ, который ей служилъ бы предметомъ и почвою для ея дѣятельности; она беретъ все изъ себя и служить себѣ самой матеріаломъ, который она въ себѣ претворяетъ; ей ничто не предшествуетъ, и она сама себя полагаетъ, она служитъ сама себѣ абсолютною цѣлью и для осуществленія этой цѣли переходитъ въ дѣйствительность и становится явленіемъ. Этотъ-то разумъ, который есть и (творецъ, и твореніе, и первоначальная причина, и конечная цѣль, и матеріалъ, и преобразующая его сила, Гегель называетъ духомъ (Geist), или идеей, раскрывающейя въ мірѣ.

Мы коснулись здѣсь того пункта, когда метафизика входитъ въ исторію и должны остановитъ на немъ наше вниманіе. Философія въ эпоху рачіонализма пыталась объяснить міръ, его явленія и законы изъ высшей идеи, доступной человѣческому разуму, изъ идеи Абсолютнаго Бытія. Въ концѣ XVIII в. Кантъ подвергнулъ *критикъ* чистый или отвлеченный разумъ и пришелъ къ выводу, что познанію нашего разума доступно лишь *явленіе*, сущность же явленій остается за предѣлами познанія. Но человѣческая мысль не хотѣла остановиться на грани, поставленной Кантомъ; тѣмъ болѣе, что уже самъ Кантъ указалъ разуму область, въ которой онъ могъ развиваться на просторѣ.

Г Ограничивъ разумъ въ теоретическомъ отношеніи, Кантъ призналъ за нимъ въ области практической, т.-е. за разумною волею, дѣйствующею въ сферѣ нравственной, творческую силу, проникающую за предѣлы эмпирическаго міра. Но еще далѣе пошла философія *идеализма*. Она снова уни-

чтожила грани между абсолютнымъ и конечнымъ, между сущностью и явленіемъ — съ помощью плодотворнѣйшей идеи XIX вѣка, идеи эволюціи или генетическаго развитія.

Въ своей эволюціи абсолютное переходитъ отъ чистаго отвлеченнаго бытія къ конкретному, т.-е. къ своей реализаціи въ конкретномъ мірѣ, и въ человѣкѣ достигаетъ самосознанія. Это высшій моментъ въ міровой эволюціи, моментъ, совмѣщающій въ себѣ первые два—и чистое бытіе и конкретное. Такимъ образомъ отвлеченный разумъ и конкретная природа и сознающій себя въ своемъ творчествѣ духъ человѣка сочетаются философіей во едино, какъ послѣдовательные моменты одного общаго эволюціоннаго процесса.

Приведенная формула заключаетъ въ себѣ указаніе на законъ движенія, присущій эволюціи вообще и всякой частной эволюціи. Эволюція отъ отвлеченнаго бытія къ конкретному есть переходъ къ другому, противоположному, а затѣмъ это противоположное переходитъ къ высшему состоянію, въ которомъ примиряется и первое и второе. Законъ всякаго движенія заключаетъ такимъ образомъ въ себѣ три момента и состоитъ изъ перехода къ противоположному, а затѣмъ къ примиренію противоположностей въ высшемъ единствѣ. Этотъ процессъ Гегель называетъ диалектическимъ закономъ; онъ примѣняется къ логикѣ и ко всему конкретному міру, свидѣтельствуя такимъ образомъ о тождествѣ трансцендентальнаго міра, т.-е. метафизическаго съ конкретнымъ. Наглядно проявляется этотъ законъ въ идеи самосознанія. Въ основаніи самосознанія лежитъ представленіе о своемъ я; но это представленіе порождаетъ другое представленіе о томъ, что не я, т.-е. о томъ, что противоположно нашему я, или о мірѣ. Только въ этой противоположности, въ этомъ отрицаніи себя, наше я достигаетъ полнаго представленія о себѣ, возвращается къ себѣ, въ своемъ самосознаніи соединяетъ свое я и не я. Законъ эволюціи слѣдовательно состоитъ изъ слѣдующихъ трехъ моментовъ: тезисъ, антитезисъ и синтезъ. Но такъ

какъ одно начало проходить черезъ всѣ три момента, то Гегель формулируетъ свой законъ такъ — идея или духъ опредѣляетъ себя или полагаетъ себя, потомъ отрицаетъ свое опредѣленіе и достигаетъ этимъ способомъ высшаго самоопредѣленія.

Съ помощью этой формулы Гегель пытается охватить міръ со всѣми его явленіями въ одинъ общій синтезъ и строить систему наукъ, соответствующую эволюціи абсолютнаго духа. Моментъ отвлеченнаго бытія составляетъ предметъ логики или онтологіи; второй моментъ—конкретнаго бытія—предметъ натурфилософіи съ ея подраздѣленіемъ: механикой, физикой и органикой, т.-е. наукой органической жизни. Третій моментъ—область сознающаго себя и творческаго духа. Этотъ третій отдѣлъ у Гегеля въ свою очередь распадается на три области: субъективнаго духа, т.-е. психологіи, объективнаго духа, т.-е. проявленіе духа во внѣшней дѣятельности, и абсолютнаго духа. Область объективнаго духа здѣсь въ особенности насъ касается. Объективный духъ выражается въ правѣ, въ нравственности и въ общественномъ союзѣ, составляющемъ синтезъ права и нравственности. Общественный союзъ въ свою очередь проявляется въ формѣ семьи, общества и въ самой совершенной его формѣ—государствѣ. Въ свою очередь жизнь государства проявляется въ его внутреннемъ строѣ (въ государственномъ правѣ), въ его отношеніяхъ къ другимъ государствамъ (международное право) и въ участіи въ историческомъ процессѣ человѣчества (всемірная исторія). Этотъ отдѣлъ составляетъ въ то же время переходъ къ третьей области духа—къ жизни абсолютнаго духа, который выражается въ человѣческомъ творчествѣ, въ искусствѣ, въ религіи и въ исторіи философіи.

Мы должны были дать здѣсь этотъ перечень отдѣловъ Гегелевской системы, чтобы указать мѣсто, занимаемое въ ней всеобщей исторіей и ея органическую связь съ другими отдѣлами философіи духа. То, что здѣсь представляется сухимъ остовомъ, то разработано Гегелемъ въ цѣ-

ломъ рядъ спеціальнихъ сочиненій, въ которыхъ проявляется геніальный умъ, орудующій энциклопедическимъ образованіемъ. Слабѣ всего, конечно, тѣ отдѣлы, въ которыхъ преобладаетъ знаніе, наименѣ поддающееся умозрительной конструкціи. Натурфилософія Гегеля, къ тому же основанная на сравнительно скудныхъ данныхъ, представлявшихся философу въ этой области въ началѣ XIX-го вѣка, представляетъ теперь лишь культурно-историческій интересъ. Но остальные отдѣлы системы Гегеля сохранять вѣчное значеніе въ исторіи человѣческаго ума.

Не останавливаясь однако на нихъ, мы можемъ теперь приступить къ болѣе точному объясненію того, какъ разумъ или духъ или, какъ выражается въ иныхъ случаяхъ Гегель, идея раскрывается во всемірной исторіи.

* * *

Духъ является творческимъ началомъ исторіи; онъ дѣлаетъ себя тѣмъ, что онъ есть, онъ продуктъ самого себя онъ становится предметомъ своей собственной дѣятельности (er macht sich zu seinem Werk). Вслѣдствіе этого его въ началѣ еще нѣтъ; онъ существуетъ только въ возможности. Всемірная исторія начинается съ природы, и въ этой природѣ духъ живетъ, какъ внутренняя безсознательная потребность прійти въ себя, сознать себя, т.-е. осуществиться, узрѣть себя реализованнымъ въ конкретной дѣйствительности. Все содержаніе всемірной исторіи—*das ganze Geschäft*—ничто иное, какъ работа духа надъ собою, надъ своею задачею привести себя къ сознанію самого себя.

Такимъ образомъ у Гегеля устанавливается слѣдующее понятіе всемірной исторіи: она есть проявленіе духа (*die Auslegung des Geistes*) во времени, подобно тому, какъ проявленіе духа въ природѣ (*als Natur*) обнаруживается въ *пространствѣ*.

Но у духа въ противоположность природѣ существуетъ еще другой признакъ и именно самый существенный. Сущность матеріи состоитъ въ ея тяжести, сущность же

духа—въ свободѣ. Тяжесть матеріи обуславливается притяженіемъ, тѣмъ, что она стремится къ одному центру. Матерія представляетъ собою составное явленіе; она состоитъ изъ частичекъ, которыя стремятся къ единству, т.-е. къ уничтоженію своего частнаго, атомистическаго существованія. Если бы матерія достигла этого единства, она перестала бы быть матеріей, перестала бы существовать. Духъ же напротивъ имѣетъ въ самомъ себѣ свое средоточіе; его единство не внѣ его, а въ немъ самомъ и всегда при немъ. Сушность матеріи находится внѣ ея, духъ же есть существованіе въ самомъ себѣ (*das Bei-sich-selbst-sein.*)

Въ этомъ и заключается свобода. Ибо что имѣетъ отношеніе къ чему-нибудь другому, что не можетъ существовать безъ другого, для него внѣшняго, то зависимо; свободно же только то, что существуетъ въ самомъ себѣ. Это свойство духа быть себѣ присущимъ, т.-е. быть свободнымъ, раскрывается ему въ исторіи. Поэтому всемірная исторія есть прогрессъ въ сознаніи свободы—прогрессъ, который мы должны познать въ его необходимости.

Эта свобода заключаетъ въ себѣ безконечную необходимость придти къ познанію себя, т.-е. къ своей реализаціи въ дѣйствительности. И такъ, конечная цѣль міра—это сознаніе духомъ своей свободы. Во имя этой конечной цѣли совершаются всѣ усилія во всемірной исторіи, ради нея приносились всѣ жертвы въ теченіе вѣковъ на обширномъ алтарѣ земнаго шара. Одна только эта конечная цѣль постоянна въ смѣнѣ событій и состояній, она одна реальна и истинна въ нихъ.

Чтобы объяснить этотъ процессъ развитія духа къ самосознанію во всемірной исторіи, рассмотримъ, по философіи исторіи Гегеля, *средства*, которыми пользуется духъ для достиженія этой цѣли, *формы*, которыя онъ принимаетъ и ступени, въ которыхъ онъ проявляется.

Средства, съ помощію которыхъ духъ достигаетъ своей цѣли, суть потребности, наклонности и страсти людей.

Человѣкъ принимается только за то, что представляетъ для него какой-нибудь интересъ. Во всемъ, что онъ дѣлаетъ, онъ имѣетъ въ виду какую-нибудь особенную, личную цѣль. Какъ бы ни была возвышенна его цѣль или та идея, во имя которой онъ дѣйствуетъ, нужно, чтобы эта идея имѣла для него интересъ, сдѣлалась его достояніемъ, нужно, чтобы онъ *усвоилъ* ее прежде, чѣмъ начнетъ дѣйствовать въ ея пользу. И такъ, можно сказать, что въ исторіи дѣйствуютъ только человѣческія страсти и личные интересы людей. Какимъ же образомъ въ этихъ частныхъ цѣляхъ осуществляется общая цѣль и въ бессознательныхъ дѣйствіяхъ людей развивается духъ къ самосознанію? Этотъ вопросъ можетъ быть выраженъ иначе и въ слѣдующей формѣ: какимъ образомъ свободная воля людей, выражающаяся въ ихъ дѣйствіяхъ, согласуется съ необходимостью, съ которою проявляется развитіе духа въ исторіи?

Гегель поясняетъ это слѣдующимъ примѣромъ. Постройка дома представляетъ опредѣленную, замкнутую въ себѣ цѣль. Ей противоположны, какъ средства, матеріалы, нужные для постройки дома—желѣзо, дерево, камень, и стихіи—вода, огонь, воздухъ. Строевой матеріалъ и стихіи должны служить общей цѣли: огонь, чтобы расплавить желѣзо, воздухъ, чтобы раздувать огонь, вода, чтобы распилить дерево и пр. Въ результатѣ выходитъ, что домъ, построенный съ помощью воздуха и воды, служитъ для того, чтобы защищать отъ вѣтра, дождя и пр. Камни и балки повинуются закону притяженія, тѣснятъ другъ друга внизъ, и это даетъ возможность выстроить изъ нихъ твердыя высокія стѣны и своды. И такъ стихіи, употребленныя сообразно съ ихъ природой, даютъ результатъ, которому они сами должны повиноваться. Подобнымъ образомъ человѣческія страсти, ища себѣ удовлетворенія и дѣйствуя сообразно съ своимъ назначеніемъ, воспроизводятъ зданіе человѣческаго общества, въ которомъ они подчиняются идеямъ порядка и права.

Люди, въ частныхъ цѣляхъ которыхъ заключается новый моментъ исторіи, называются историческими людьми.

Обращаясь къ дѣятельности людей въ исторіи, Гегель приводитъ въ примѣръ Цезаря; онъ подвергался опасности потерять свое высокое положеніе въ государствѣ. Его враги, которые хотѣли вытѣснить его, преслѣдовали личныя цѣли, но они имѣли за себя формальную законность. Цезарь сражался за свой личный интересъ, и побѣда надъ врагами вручила ему власть надъ всею имперіей; но этотъ переходъ отъ республики къ имперіи былъ необходимымъ моментомъ въ исторіи Рима и древняго міра. Такимъ образомъ личный интересъ Цезаря совпалъ съ историческою необходимостью.

Великіе люди въ исторіи именно тѣ, частныя цѣли которыхъ совпадаютъ съ цѣлями исторіи. Ихъ можно назвать героями, ибо они почерпаютъ свое призваніе не изъ стараго, освященнаго временемъ, порядка, а изъ источника, который еще не обнаружился, но бьется наружу и разрушаетъ окружающую его оболочку. Они такимъ образомъ черпаютъ какъ будто изъ себя, и новый порядокъ, осуществляемый ими, кажется ихъ собственнымъ, личнымъ дѣломъ. Ихъ можно также назвать практическими людьми, ибо они понимаютъ потребности своего времени. Ихъ оправданіе заключается въ томъ, что они понимаютъ слѣдующій необходимый моментъ исторіи и со всею энергіей предаются осуществленію его. Оттого они передовые люди своего времени; рѣчи и дѣйствія ихъ составляютъ лучшее достояніе этого времени. Они доводятъ до общаго сознанія то, что безсознательно лежитъ въ душѣ ихъ современниковъ. Послѣдніе слѣдуютъ за ними какъ за вождями, потому что чувствуютъ неотразимую силу своего собственнаго духа, который олицетворился предъ ними.

„Судьбу этихъ историческихъ людей,—говоритъ Гегель,—нельзя назвать счастливою. Наслажденіе не дается имъ въ удѣлъ; вся жизнь ихъ заключается въ трудъ и бываетъ истощаема страстью. Они рано умираютъ, какъ Александръ, или дѣлаются жертвой убійцъ, какъ Цезарь, или ихъ постигаетъ судьба Наполеона“.

Личные интересы тѣхъ людей, съ помощью которыхъ осу-